

Заранее установленные размеры сборов показывают, что для этого предварительно была проведена соответствующая их оценка. К сожалению, у нас нет данных – проводилась ли она специально назначенными писцами, либо же писец и данщик являлись одним и тем же лицом.

Что же служило критерием для установления размеров сумм, собиравшихся в пользу князя? Им являлось количество семей, проживавших на той или иной территории. Судить об этом можно по сохранившейся жалованной данной и тарханной грамоте 1371 г. великого рязанского князя Олега Ивановича Ольгову монастырю на село Аристовское. Для нас важен имеющийся в ней пересказ прежних грамот: «А возрев есмь въ давнии грамоты съ отцемь своимь съ владыкою с Васильемь и съ бояры, коли ставили по первых прадеди наши святую Богородицю, князь великий Инъгварь, князь Олег, князь Юрьи, а с ними боярь 300, а мужи 600, тогда дали святой Богородици дому 9 земель бортных, а 5 погостов: Песочна, а в ней 300 семии, Холохолна, а в ней полторасти семи, Заячины, а в ней 200 семии, Веприя 200 семии, Заячков 100 и 60 семии; а си вси погосты съ землями с бортными и с поземом, и с озеры, и с бобры, и с перевесьиши, с резанками, и с шестьюдесят, и с винами, и с поличным, и со всеми пошлинами» [2, т. 3, № 322, с. 351]. Самым важным для нас является то, что «старина» этого свидетельства восходит ко времени до нашествия Батыя, поскольку упоминаемые в нем рязанские князья Ингварь (ум. 1252) и его братья Олег (ум. 1258), Юрий (ум. 1237) жили именно в эту эпоху, а основание ими церкви Богородицы относится к 20–30-м годам XIII в.

Как долго число семей являлось главным объектом обложения? Когда произошла его замена на количество земли? На этот счет можно высказать лишь общие соображения. Судя по тому, что в духовных и договорных грамотах московских князей рубежа XIV–XV вв. указываются суммы дани, следующие с той или иной волости или удела, следует полагать, что главным критерием для определения размеров доходов, собиравшихся в пользу князя, по-прежнему служило число семей. По многочисленным свидетельствам источников, XV в. стал временем интенсивной распашки пахотных земель на Руси. В условиях существования больших патриархальных семей каждая из них стала обрабатывать больше пространства, а следовательно, получать больше доходов. Разумеется, это не могло укрыться от княжеской власти, и данное обстоятельство в итоге привело к тому, что в основу налогообложения вместо прежнего был положен новый принцип – по величине обрабатываемой площади. С большой долей уверенности можно предположить, что этот переход произошел в княжение Ивана III. Завещание его отца Василия Темного 1461/62 г. еще предусматривало обложение «по сохам и по людем», а в первых дошедших до нас писцовых описаниях рубежа XV–XVI вв. мы уже видим принцип обложения по земле.

1. Авдеев, А. Г. Галичская земля в XII – XV вв. (по житию преподобного Паисия Галичского) : автореферат канд. ист. наук / А.Г. Авдеев. – М., 2001.

2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – М. : Издательство АН СССР, 1852–1964. – Т. 1–3.

3. Демидова, Н. Ф. Писцовые книги / Н. Ф. Демидова // Советская историческая энциклопедия. – М., 1968. – Т. 11. – Стб. 167.

4. Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. – М. : Наука, 1976. – 240 с.

5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1950. – 585 с.

6. Колычева, Е. И. Аграрный строй России XVI века. / Е. И. Колычева. – М. : Наука, 1987. – 233 с.

7. Московский летописный свод конца XV века. – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1949. – Т. XXV. – 464 с. – (Полное собрание русских летописей. Т. 25).

8. Новгородские летописи – СПб., 1841. – 308 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 3).

9. Татищев, В. Н. История Российская / В. Н. Татищев. – М.; Л., 1965. – Т. V. – 343 с.

Святец Ю.А.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ И ДАННЫХ ГЕНЕАЛОГИИ ДЛЯ ДАТИРОВКИ ИСТОЧНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ СЕДЬМОЙ КНИГИ РУСЬСКОЙ МЕТРИКИ)

Комплекс актов (свыше 3,5 тыс. документов) Русьской (Волынской) метрики (далее – РМ) является мощной информационной базой для выяснения различных аспектов целого столетия украинской истории (1569–1673). Книги метрики, с одной стороны, стали вместилищем фактических данных из жизни людей, бывших действующими лицами событий на просторах Волынского, Киевского, Браสลавского, Черниговского воеводств, а, с другой стороны, – ценными артефактами, дающими представление об интеллектуальном и технологическом уровнях развития общества. На информационную ценность книг РМ обратил внимание еще в советский период

исторической науки известный украинский источниковед профессор Николай Павлович Ковальский.

Седьмая книга РМ содержит комплекс актов, записанных в нее в 1582–1583 гг. Основная часть этих актов появились как результат королевских судебных решений (декретов) Стефана Батория. Другая часть книги содержит «преписы альбо видимусы з листовъ, которые въ скаръбе нашомъ суть» [8], выданные князьям Стефану Андреевичу и Янушу Миколаевичу Корибутовичам Збаражским. Документы этого комплекса принадлежат к категории частноправовых актов, в которых отражены «траектории перемещения» волынских владений княжеского рода Збаражских. Речь идет о купчих, дарственных, духовных (тестаментных) и делчих актах.

Акты, копии которых были выданы князьям Збаражским в июне 1583 г., содержат датировки как по византийской, так и по христианской эре. Применялся также и старовизантийский счет времени по индиктам. Следует обратить внимание на то, что в записях в книге РМ ряд актов датирован нечетко или ошибочно. Например, в акте «Позволенє кнегини Ровенскои на продажу Хотѣня» вписан подтверждающий привилей короля Казимира IV записи княгине Марии Ровенской от ее матери и отчима Олизара Федька Шиловича на Хотин [4]. Этот видимус значится под неполной датой: «Писан в Луцку в лето [вместо года в рукописи пропуск. – Ю.С.] м(еся)ца ноября перводнадцать дня, иньдыкта шостого» [4]. Ориентиром для определения даты данного акта можно с учетом интитуляции «Казимерь, Божею милостью корол полскии...» [4], т.е. событие могло произойти между 1447 и 1492 гг. Однако на этот период приходятся три года (1458, 1473, 1488), которые соответствуют шестому индикту. Речь идет о том, что акты содержат указания на даты, определить или уточнить которые исходя лишь из наличных в самих документах данных, не представляется возможным.

Историческая хронология дает знание о соотношении старовизантийского, византийского и христианского способов измерения времени, которые могут быть выражены простыми арифметическими выражениями. Однако применение формул также дает не окончательный результат, а лишь представление о возможных вариантах дат. Другими словами, формируется коллизия: какую из дат признать адекватной? Ответ на такой вопрос может опираться на знания о годах жизни и деятельности, датах продвижения по службе, хронологии участия в известных событиях, родственных отношениях и т.п. Иначе говоря, помочь могут сведения, которые предоставляют генеалогия и биографистика. С другой стороны, эти знания опираются на сведения исторической хронологии и актовое источниковедение.

Итак, для того, чтобы определить год выдачи акта «Позволенє кнегини Ровенскои на продажу Хотѣня», необходимо обратиться к генеалогическим сведениям о названных в акте персонажах. Так «староста луцкии, марьшалокъ Вольньское земли, п(а)нь Сѳлизаръ Шиловичъ», который жене своей и падчерице Марии Ровенской «даль и записаль по животе п(а)нєе своеє именьє на имя Хотинъ с присельки и со всеми приходы» [4] умер около 1485 г. (позже его имя в известных на сегодня источниках не упоминается). Поскольку о подтверждении привилея на «тое именьє на имя Хотин дати и записати дочце своєи, кнегини Семеновои Ровенскои, кнегини Марьи» [4] просила короля вдова Олизара Шиловича, то наиболее вероятной датой выдачи королем Казимиром IV данного акта является 1488 г. Дополнительным аргументом адекватности такой даты может служить наличие в качестве свидетеля такого персонажа как «маршалокъ нашъ и намєстникъ слонимъскии, панъ Солтанъ Александровичъ» [4], который как слонимский наместник упоминается в источниках с 1483 г. [1; 3; 12]. Пребывал он при этой службе не дольше, чем до 1492 г., с которого там находился уже Иван Богданович Хребтович «Литавор» («Ивашко Литаворъ Богдановичъ Гребтовича» [4]), который также назван в данном акте как свидетель. Таким образом, король Казимир IV выдал привилей на продажу Хотина в 1488 г.

Ошибочная датировка еще одного видимуса выявлена в акте «Тестаментъ кн(я)зя Солтана Збаразского» [9], где указано, что завещание записано «Лет[а] шесть тисєчь сємьсотъ осмьдєсєть перьвого, иньдикътъ шостый, октєбрь третий» [9, л. 234]. Году 6781 по византийской эре соответствует 1273 год христианской эры. Но «князь Семень Василєвичъ Солтанъ, отчичъ Збаразский» – родной брат князя Семена Васильевича Несвецького, то есть персонаж XV ст. То есть выявлена ошибка в два столетия, типичная для комплекса копий документов, выданных князьям Стефану и Янушу Корибутовичам Збаражским. Не случайно позже на поле

6981

листа книги вписана маргиналия «1473» [9, л. 234]. И в самом деле: 6981 – 5508 = 1473. Эти

годы соответствуют указанному в датации шестому индикту: $6981 = 15 \times 465 + 6$. Интересно, что обычно в исторической литературе год смерти князя Солтана (Семена II) Васильевича Збаражского указывают как 1472 [2; 11]. Однако, если верить записи акта в седьмой книге РМ, то testament датирован 1473 г.

Требует хронологического уточнения и «Розделок межн(я)зи Збаразскими делницею кн(я)зя Солтановою» [7], в котором изложено рассмотрение жалобы князя Михаила Васильевича Збаражского на его дядю князя Семена Васильевича Несвецького, Збаражского и Колоденского касательно прав на часть наследства другого дяди, князя Солтана Васильевича Збаражского (†1473). Король Казимир IV назначил комиссаров для разрешения этого конфликта и справедливого распределения наследия князя Солтана Васильевича между претендентами. В состав комиссии вошли князь Александр Сангушкович, староста луцкий Михайло Монтовтович и маршалок земли Волынской, староста владимирский Олизар Шилович [7, л. 235 об.]. В результате рассмотрения дела «кназь Михаило взаль Вишневецъ, Городок зо всими приселки, што к тому слушаеть, и к тому ещо Таражь. А кназь Семень Городок узаль а Маневъ со всими приселки, што к тому здавна слушало и тагло, к тому еще Лапушная» [7, л. 236]. Приведенная цитата из делчего акта содержит ценную информацию о факте «зачинания» рода князей Вишневецких в лице Михаила Васильевича Збаражского, унаследовавшего владение имением Вишневец. В каком же году состоялось это историческое событие? Акт датирован нечетко: «Писанъ у Луцку, июля четвертого, индыкта ѿсмого» [7, л. 236]. На левом поле листа в книге записана более поздняя маргиналия «1475» [7, л. 236]. Для того, чтобы выяснить, корректно ли этот год принять как дату выдачи этого акта, следует прибегнуть к генеалогическим сведениям о роде князей Збаражских. Событие раздела наследия князя Солтана Васильевича происходит после смерти князя Василия Васильевича Несвецького – отца Михаила Васильевича Вишневецкого, который предъявил свои права наследования «ѿ делнице дади своего, кн(я)зя Солтана, иж его ѿтцем, кн(я)зя Василемъ, дел имелъ» [7, л. 235 зв.]. То есть между родными братьями Василием и Солтаном был договор о наследовании имений последнего. В исторической литературе дата смерти князя Василия Васильевича Несвецького указана 1474 годом [2; 11]. Другой его брат, князь Семен Васильевич Несвецький, Збаражский и Колоденский, дожил до 1481 г. [2; 11]. Князь Михайло Васильевич Вишневецкий и Збаражский (†1517) пережил своего дядю [2; 11]. Итак, делчий акт был выдан между 1474 та 1481 гг. В этом интервале только один (1475) год соответствует восьмому индикту: $1475 + 5508 = 6983 = 465 \times 15 + 8$. Следовательно, историческое событие наследования князем Михайлом Васильевичем Збаражским имения Вишневец состоялось в 1475 г.

Владения князя Солтана Васильевича Збаражского его наследники распределяли еще несколько раз. В седьмой книге РМ содержатся несколько делчих актов. В частности в документе «Розделок пенных добрь межн(я)зи Збаразскими» [6] вписан лист договора между сыновьями Василия Васильевича Несвецького – Михайлом Васильевичем Збаражским и Вишневецким, с одной стороны, и Семеном Васильевичем Збаражским Маневским, с другой, в присутствии Федора (Федька) Васильевича Збаражского и Порицкого. Братья согласились с таким распределением имений: «кн(я)зю Семену Збаразскому, брату моему меньшому, достал ся Квасовъ а Яньковъцы, а СѢбарынцы, а Млиновцы, а Мелная, а Воловая» [6, л. 246 об.], а «кназю Михаилу Василевичу Збаразскому, достало ся напродь Вишневецъ из местечкомъ и с тымъ селомъ, што под местечком, из млыномъ вишневецкимъ, а къ городу, къ Вишневцу достали ся тые села на име СѢлексинцы, а СѢстровець, а Таражи, а Бакота, а Бутич, а Конаховичи, а Лозы, а Бодаки» [6, л. 247]. В датировании этого делчего акта выявлены некоторые несоответствия: «писанъ у Вишневьцы, в леть шесть тисечъ деватьсотъ ѿдинадцатого, м(еся)ца ноября четверьтого дня, индыктъ перьвыи» [6, л. 247 об.]. Году 6911 «от сотворения мира» соответствует 1403 г. христианской эры. Но названные братья князя Збаражские жили во второй половине XV – в начале XVI в. К тому же 6911 г. соответствует $(6911 = 460 \times 15 + 11)$ 11 индикт, а не первый. На левом поле листа книги позже была помещена маргиналия «⁶⁹¹¹1403 ... 1443» [6, л. 247 об.]. Такая «подсказка» мало чем может помочь в определении даты. Учитывая, что младший брат Михаила Васильевича именованный в акте «кн(я)земъ Семеном Збаразским Маневским», этот документ мог быть подписан после того, как Семен Младший получил Манев во владение. Данный акт не дает нам представления об этом событии.

В этой же книге вписан еще один делчий лист между братьями князьями Збаражскими, сыновьями князя Василия Васильевича Несвецкого: «Также розделок пенных добръ межи тыми жь князми» [10]. Речь в нем шла о том, что «делили ся есьмо отъчизною своею кн(я)за Солтана, небожьчика» [10, л. 248], поскольку сыновья князя Василия Несвецкого считали легитимным унаследование владений их дяди Солтана Збаражского по договору покойного с их отцом [7]. Поэтому братья и решили распределить фактически наследство своего отца между собой. Согласно этому документу «дельницею достало сѧ кн(я)зю Семену Маневъ дворъ зо всими тыми селы и приселки, што к тому двору здавна тагнеть, а к тому Маневу еще село Лопушное, а еще кн(я)зю Семену дворъ Городокъ зо всими тыми селы, што к тому двору здавна тагнеть, а еще к тому сельцо Студьковцы со всимъ с тымъ, што к тому сельцу здавна тагнеть» [10, л. 248]. То есть князю Семену Васильевичу Збаражскому Младшему отошел Манев. Датировано это распределение также с ошибкой в два столетия: «В лето шесть тисечъ семсотъ осмьдесѧт третего, иньдыкта осмого» [10, л. 248 об.]. На правом поле листа помещена маргиналия «девятсотъ» [10, л. 248 об.]. И в самом деле, 6783 год по византийской эре – это 1275 год от Рождества Христова. Адекватной датировкой может быть 6983 г. от «сотворения мира», что соответствует 1475 г. христианской эры и восьмому индикту.

Похоже их дядя, князь Семен Васильевич Несвецкий, Збаражский и Колоденский, не согласился на право наследования детей его умершего брата Василия Васильевича Несвецкого на наследство князя Солтана Васильевича Збаражского. Поэтому был еще один делчий лист между князем Семеном, с одной стороны, и вдовой князя Василия и их детьми, с другой. В седьмой книге РМ такой видимус вписан в акте «Розделок именеи части кн(я)за Солтановы межи кн(я)зи Збаражскими» [5]. В этом видимусе названы все участники этого мирового соглашения: «Я, князь Семень Василевич Збаражский, и я, кнегини Василеваа Збаражскаа, из сынми своими, посполитою рукою со кн(я)зем Михаилом и с тремя кн(я)зи Семены и со кн(я)зем Оѣдором сознаваем симь нашим листом вси посполитою рукою: изсадили ся есмо из деверемь из своим, со кн(я)зем Семеном, и дети мои из дядкомь своим, ѿ кн(я)за Солтанову дельницу упоровнали и поделили есмо наполю» [5, л. 256 об.]. В соответствии с этим актом «достала сѧ деверу моему, кн(я)зю Семену, и дадку нашему, ... се Маневъ зосталь со всими приселки и селищи, што к тому двору здавна слушало» [5, л. 256 об.]. То есть Манев, который наследники князя Василия Васильевича Несвецкого сначала предоставили во владение младшему брату Семену Васильевичу, в соответствии с процитированным тут соглашением пришлось вернуть его тезке дяде. Этот акт, как и другие, выданные наследникам князьям Збаражским, также содержит ошибку в датировке в 200 лет: «Писанъ у Маневе, м(е)с(я)ца июня второго дня под леты Божого нароженья в лето шест тысяч семсот осмьдесѧт шостого, иньдыкта первогадцѧт» [5, л. 256 об.]. Адекватным годом может быть 6986 по византийской эре, что соответствует 1478 г. от Р.Х. и одиннадцатому индикту. Итак, князь Семен Васильевич Збаражский Младший мог титуловаться Маневским лишь после смерти его тезки дяди, когда б Манев перешел ему в наследство. Историческая литература указывает 1481 год как дату смерти князя Семена Васильевича Несвецкого, Збаражского та Колоденского [2; 11].

Тогда, возвращаясь к акту раздела имений между братьями князьями Михайлом Вишневецким и Семеном Маневским, ошибочно датированным 6911 г. от «сотворения мира», что соответствует 1403 г. христианской эры, имеем ориентир, что наиболее вероятно это соглашение стало возможным после 1481 г. Самым близким к этому году, который соответствует первому индикту, есть 1483 г. или 6991 г. по византийской эре. Из исторической литературы известно, что князь Михайло Васильевич Збаражский и Вишневецкий ушел из жизни в 1517 г. [2; 11]. Тогда до дня его кончины были еще два хронологических пункта (1498, 1513 гг.), соответствовавшие первому индикту. При таких вариантах акт был бы датирован 7006 или 7021 гг. византийской эры. С другой стороны сведения о князе Семене Васильевиче Меньшем Збаражском и Маневском в источниках в последний раз датируются 1489 г. [2; 11]. А значит наиболее соответствующей датой делчего акта между братьями князьями Михайлом Васильевичем Вишневецким и Семеном Васильевичем Маневским следует считать именно 1483(6991) год.

Итак, методики исторической хронологии, а также сведения генеалогии, позволяют выявить и исправить ошибки датирования в актах, вписанных в седьмую книгу Руськой метрики.

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. – СПб., 1846. – Т. 1: 1340–1506. – С. 101.

2. Войтович, Л. Княжа доба: портрети еліти / Л. Войтович. – Біла Церква : Видавеш Олександр Пшонківський, 2006. – С. 652.
3. Литовская метрика. Отдел I. Ч. I. Книга записей. Т. I // Русская историческая библиотека. – СПб., 1910. – Т. 27. – С. 375, 383, 392–393.
4. Позволенє кнегини Ровенскої на продажу Хотѣня // РГАДА. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 224.
5. Розделок именеи части кн(я)за Солтановы межи кн(я)зи Збаразскими // РГАДА. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 256–257.
6. Розделок пенных добрь межи кн(я)зи Збаразскими // РГАДА. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 246–247 об.
7. Розделок межи кн(я)зи Збаразскими делницею кн(я)зя Солтановою // РГАДА. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 235 об. – 236.
8. Сознанє кн(я)зя воеводы киевского, которые листы зъ скарбу короля, его милости, Жикгимонта Августа взяли // РГАДА. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 206 об.
9. Тестаментъ кн(я)зя Солтана Збаразского // РГАДА. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 233–234.
10. Также розделок пенных добрь межи тыми жъ князми // РГАДА. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 247 об. – 248 об.
11. Яковенко, Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна) / Н. М. Яковенко. – К.: Наук. думка, 1995. – С. 298.
12. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Metryka Litewska. — Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų 1-kla, 1994. – Kn. 4 (1479–1491): Užrašymų knyga 4 / Lietuvos istorijos institutas ; [parengė Lina Anužytė]. – Vilnius : Žara, 2004. – С. 110, 117.

Ерешко А.Е.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СПИСКОВ ПОДЪЯЧИХ ИНОЗЕМСКОГО ПРИКАЗА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА № 103 СТОЛБЦОВ МОСКОВСКОГО СТОЛА РАЗРЯДА)

Основной источник по истории приказных подьячих XVII в. – списки подьячих по приказам, отложившиеся в Разряде. Их данные используются в научных работах, но сами они не удостоились ни одного специального исследования. Поэтому, иногда, бывают не понятны ни обоснование гипотезы, ни датировка событий учеными, скупое отсылающими читателя к номеру фонда, дела и листа, за которыми скрывается очередной «безликий» список подьячих. Все эти списки делятся, с одной стороны, на черновые, рабочие, испещренные многочисленными правками, и беловые. С другой, – на единые по всем приказам за определенный год, различной степени полноты и сохранности, и на списки-ответы отдельных приказов на запросы Разряда. Но какими бы списки ни были, особую важность имеет время их создания. Поэтому пристального внимания заслуживает анализ недатированных списков. Именно к таким относятся рассматриваемые нами в данной статье списки подьячих Иноземского приказа из дела № 103 Столбцов Московского стола Разряда [7].

Столбцы Московского стола за номером 103 представляют собой разрозненные списки подьячих разных приказов за 1626–1645 гг. [4, Московский стол, с. 53] на 482 л. Списки рассматриваемого нами приказа встречаются в деле то под названием Панского, то Иноземского девять раз. Из них имеют точную датировку – только два: 1627/28 г. [7, л. 57, 64–65] и 1633/34 г. [7, л. 83, 93–94].

Первая группа недатированных списков по составу подьячих близки к списку 1627/28 г. [7, л. 231, 370, 442]. Причем в первом (л. 442) значится Тимофей Ульянов, во втором (л. 370) – напротив него помета «умре», а третий (л. 231), как и датированный список, его вовсе не содержит. Учитывая, что Тимофея Ульянова «не стало в 135 г. в феврале месяце» [11, л. 202], и что список располагается между двумя другими – с датами 8 и 9 ноября 1626 г. [7, л. 441 об., 443], то список подьячих Иноземского приказа на л. 442 можно датировать 8-9 ноября 1626 г.

Список с л. 370 отличается от списка с л. 231 упоминанием смерти Ульянова, размером денежного оклада подьячего Ивана Бельшева и отсутствием подьячего Федора Постникова. Денежный оклад Бельшева в первом случае равен 7 рублям, а во втором – несколько раз редактировался – с 10 на 12, и с 12 на 13 рублей. По другим источникам известно, что ему подняли денежный оклад до 10 рублей 18 января 1628 г. [5, л. 327 об.], а с 10 до 13 рублей – в январе 1629 [11, л. 355–356]. Постников был принят в Иноземский приказ на место Ульянова 13 февраля 1628 г. [11, л. 202]. В начале 1629 г. назначен во Владимир, куда уехал в апреле [7, л. 273] (в списке с л. 231 напротив него как раз стоит помета «послан в Володимир»). 23 марта 1629 г. на его место бьет челом другой подьячий Яков Львов [11, л. 202]. Поэтому, список подьячих с л. 370 относится к первой половине 1627 г., а список с л. 231 – к первой половине 1629 г.

Наш анализ списков второй половины 20-х гг. XVII в. рассматриваемого дела не противоречит материалам, приводимым в справочнике Н.Ф. Демидовой, где «данные, на основании которых было проведено уточнение датировки, в каждом конкретном случае не приводятся», а хронологию списков возможно выявить по ссылкам на них, расположенным в хронологическом порядке [1, с. 6, 10]. Но имеются и различия: список на л. 231 датируется большим промежут-